

УДК 140.8

Мешков В.М.

ГОТЫ И СЛАВЯНЕ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ КООРДИНАТ ИХ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ)

У статті розглядаються наслідки впливу Римської імперії на формування культурних і ментальних особливостей деяких племен, які населяли її територію (готів і слов'ян).

Ключові слова: готи, слов'яни, культурні і ментальні особливості, Римська імперія.

The consequences of Rome Empire influences on forming cultural and mental peculiarities of a number of tribes that inhabited its territories (Goths and Slavs) are considered in this article.

Key words: Goths, Slavs, cultural and mental peculiarities, Rome Empire.

Актуальность. Траектории развития варварских племен готов и славян в VI–IX веках оказались существенно различными. К концу первого тысячелетия языческая система координат очерчивала горизонт ментальных пространств славянских племен. Это означает, что предельными устремлениями, целями субъектов ментального пространства такого типа могли быть только натуралистические, эротические ценности, основным средством достижения которых являлась физическая сила, насилие. Однако это обстоятельство не означает, что у славян отсутствовали представления о чести, верности, справедливости и других добродетелях. Важно то, что последние не выступали в качестве предельного основания в оценке всего происходившего, основного ориентира в поведении, поэтому они не носили обязательного характера, так или иначе были натуралистически насыщены. Физическая сила, натуралистические ценности в этой системе координат всегда были более привлекательны, более предпочтительны.

Система координат ментального пространства античной культуры (в том числе и византийской) была принципиально иной. В ней доминирующие темы «разума», «закона», «свободы», «добродетели», «красоты» очерчивали горизонт жизненного мира, определяли систему представлений должного. В этом жизненном пространстве натуралистические ценности носят производный характер, в значительной степени смягчаются, попадают под контроль нравственно-правового порядка. Поэтому для византийцев культура восточных славян представляла собой чуждое, неизведанное пространство.

Цель. В данной статье с помощью тематического культурологического подхода мы попытаемся показать, что готы и другие варвары, захватившие территорию Западной римской империи, постепенно входили в систему координат ментального пространства западноевропейской культуры, в то время как славяне оставались в натуралистическом жизненном мире.

Восточные славяне проживали на территории для западноевропейцев мало изученной (на картах западноевропейцев земли выше нижнего течения Днепра и Дона практически не обозначены, т.е. не известны). Византийский историк VI века Прокопий Кесарийский ограничивался описанием лишь прибрежных земель

Элевсинского Понта (т.е. Чёрного моря), специально оговариваясь на приблизительности его сведений: «Такова окружность Понта Элевсинского от Калхедона (Халкедона) до Византии. Но какова величина этой окружности в целом, этого я точно сказать не могу, так как там живёт такое количество, как я сказал, варварских племен, общения с которыми у римлян, конечно, нет никакого, если не считать отправления посольств» [3, с. 388–389].

Натуралистически-силовая система координат восточных славян, ее несовместимость с византийской в полной мере проявляется во время разбойничьих набегов, отличавшихся свирепой жестокостью, о чем единодушно свидетельствуют византийские писатели и историки с VI по XI столетия. Одно из наиболее ярких описаний оставил Прокопий Кесарийский: «Варвары... силой взяли город. До пятнадцати тысяч мужчин они тотчас же убили и ценности разграбили, детей же и женщин обратили в рабство. Вначале они не щадили ни возраста, ни пола; оба эти отряда с того самого момента, как ворвались в область римлян, убивали всех, не разбирая лет, так что вся земля Иллирии и Фракии была покрыта не погребенными телами. Они убивали попадавшихся им навстречу не мечами и не копьями или какими-нибудь обычными способами, но, вбив крепко в землю колья и сделав их возможно острыми, они с великой силой насаживали на них этих несчастных, делая так, что острое этого кола входило между ягодицами, а затем под давлением [тела] проникало во внутренности человека. Вот как они считали нужным обращаться с ними... Так сначала славяне уничтожали всех встречающихся им жителей. Теперь же они и варвары из другого отряда, как бы упившись морем крови, стали некоторых из попадавшихся им брать в плен, и поэтому все уходили домой, увозя с собой бесчисленные десятки тысяч пленных» [3, с. 322]. «Они (авары – В. М.) подослали племя славян, – пишет Византийский историк Феофилакт Симокатта, – и огромное пространство римских земель было опустошено. Славяне дошли вплоть до так называемых «Длинных стен», прорвавшись через которые на глазах у всех произвели страшную резню» [4, с. 35]. Описание подобных зверств со стороны славян легко продолжить.

Поскольку представления о чести, верности, милосердии и под. не были доминирующими в натуралистическом жизненном мире славян, то вероломство, жестокость, недисциплинированность и неорганизованность были нормой варварского существования. «В общем, они коварны, – пишет Псевдо-Маврикий, – и не держат своего слова относительно договоров» [5, с. 28], «...славяне по природе своей ненадежны и склонны к злу, а поэтому их следует остерегаться» [1, с. 58].

Те варвары, которые вплотную соприкоснулись с христианством и достижениями античного духа, в относительно короткий срок испытали разительные перемены. Вандалы, разрушители Рима, осев на севере Африки в Ливии, быстро усвоили античный образ жизни. «С того времени, как они завладели Ливией, все вандалы ежедневно пользовались ваннами и самым изысканным столом, всем, что только самого лучшего и вкусного производит земля и море. Все они по большей части носили золотые украшения, одеваясь в мидийское платье, которое теперь называют шелковым, проводя время в театрах, на ипподромах и среди других

удовольствий, особенно увлекаясь охотой. Они наслаждались хорошим пением и представлениями мифов; все удовольствия, которые ласкают слух и зрение, были у них весьма распространены. Иначе говоря, все, что у людей в области музыки и зрелищ считается наиболее привлекательным, было у них в ходу. Большинство из них жило в парках, богатых водой и деревьями, часто между собой устраивали они пиры и с большой страстью предавались всем радостям Венеры» [2, с. 252–253].

Более глубокую духовную эволюцию претерпели готы, заселившие земли Апеннинского полуострова. Их самый знаменитый царь Теодорих, как пишет Прокопий Кесарийский, «в высшей степени заботился о правосудии и справедливости и непреклонно наблюдал за выполнением законов; он охранял неприкосновенной всю страну от соседних варваров и тем заслужил высшую славу и мудрости, и доблести... По имени Теодорих был тираном, захватчиком власти, на деле же самым настоящим императором, ничуть не ниже наиболее прославленных, носивших с самого начала этот титул; любовь к нему со стороны готов и италийцев была огромна, не в пример тому, что обычно бывает у людей» [3, с. 22]. После смерти Теодориха власть принял его внук Аталарих. «Будучи опекушкой своего сына, Амалазунта держала власть в своих руках, выделяясь среди всех своим разумом и справедливостью» [85, с. 23]. «Амалазунта хотела, чтобы ее сын по своему образу жизни был совершенно похож на первых лиц у римлян, и уже тогда заставляла его посещать школу учителя» [85, с. 23–24]. Согласно Прокопию, после смерти Аталариха, власть захватил Теодат, одним из главнейших стремлений которого были занятия философией, и он считал себя последователем платоновской школы [85, с. 26].

Безусловно, смягчению нравов готов в значительной степени способствовало принятие ими христианства. Однако при анализе ценностно-тематических структур речей готских предводителей, которые приводит Прокопий Кесарийский (очевидно, что эти речи не являются стенограммой действительно произнесенных речей; между тем, представляется, общая ценностно-мыслительная направленность в них воспроизведена), не возникает сомнений, что определяющими мотивами поведения готской элиты выступали образцы греческого и римского гуманистического духа (доблести, справедливости, чести, верности и т. д.). В высокогуманных, благородных поступках царя готов Тотилы отчетливо прослеживается влияние античных образцов. Так, «когда Тотила взял Неаполь, он проявил по отношению к сдавшимся так много человечности, что этого нельзя было ожидать ни со стороны врага, ни со стороны варвара. Застав римлян настолько истощённых голодом, что у них уже и в теле не оставалось никакой силы, боясь, как бы, внезапно накинувшись на еду до крайнего насыщения, они, как это обычно бывает, не задохнулись, он придумал следующее: поставив стражу в гавани и у ворот, он не велел никому выходить оттуда. Сам он стал выдавать всем пищу в меньшем количестве, чем им хотелось, мудро проявляя в этом своего рода скупость, но каждый день он прибавлял столько к этой норме, что не чувствовалось, что происходит эта прибавка. Таким образом, он укрепил их силы, а затем, открыв ворота, он разрешил каждому из них идти, куда он хочет» [3, с. 231–232]. Византийским воинам, защитникам Неаполя «он дал коней и повозки, одарил их деньгами на дорогу и разрешил им отправиться сухим путём в Рим, послав вместе с

ними в качестве проводников некоторых из знатнейших готов» [3, с. 232]. Эти примеры были приведены для того, чтобы показать существенное отличие ментального пространства германских племен (готов, вандалов и др.), захвативших земли Западной Римской империи, от жизненного мира славян VI–VIII веков. Первые, вступив в длительный непосредственный контакт с населением постримского пространства, к шестому веку уже пережили ментальную революцию. Они приняли христианство и фундаментальные ценности античности (разума, добродетели, красоты, доблести, славы и под.). Это обстоятельство означает, что ментальное пространство готов и других германских племен этого периода определялось тремя ФТС и представляло собой синтез трех субпространств – языческого, христианского и античного. При этом христианские и древнеримские темы-ценности, судя по всему, выступали в качестве базовых, определяли систему координат ментального пространства культуры. В то время как ценностно-мыслительное пространство славян (в том числе и восточных) к IX веку оставалось преимущественно натуралистическим, дионисийским, в котором доминировали, задавали норму жизни темы «силы», «добычи», «эроса», «насилия» и «страха».

Важным обстоятельством в языческой культуре славян (в том числе и восточных) была бытовая неустроенность, в значительной степени равнодушие к благоустройству жизни, пренебрежительное к нему отношение. Доминирующая тема «красоты» в античной культуре задавала устойчивую ориентацию на благоустройство, украшение внешнего быта. После разрушительных «темных веков» в X веке в Западной Европе эта традиция начинает возрождаться. В языческой культуре восточных славян подобной установки не было. Бытовая неустроенность, равнодушие к внешнему благополучию были нормой славянского образа жизни.

Опять обратимся к Прокопию Кесарийскому: «Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства... Образ жизни у них, как у массагетов, грубый, безо всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но по существу они не плохие и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы» [3, с. 250]. Жизнь славян проходила в постоянном ожидании опасности со стороны других племен (чаще всего кочевников с лесостепной зоны). Псевдо-Маврикий отмечает: «Они селятся в лесах, у неудобных рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся, что и естественно, опасностей. Необходимые для них вещи они зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую» [5, с. 27].

Таким образом, с одной стороны, щедрая продуктивность окружающей природы, малая плотность населения создавали благоприятные для жизнедеятельности условия, с другой – постоянная угроза со стороны степи, кочевников-скотоводов – всё это способствовало формированию уникальной культуры и ее пространственной конфигурации, в которой были слабо выражены стимулы к упорному систематическому труду, улучшению быта и образа жизни, и вместе с тем варварство приобретало смягченные формы (отсутствие жесткого культа вождей, кастовой системы, воинственного характера, жесткой системы табу, обычая умерщвления

увечных новорожденных детей и престарелых родителей, относительная свобода женщины и др.).

Важной особенностью языческой культуры восточных славян является её «экзистенциальный» характер. Языческая культура древних славян – это чисто «экзистенциальная» культура, которой присущи два отличительные признака: отсутствие потребности и возможности к трансцендированию и самоконструированию. То есть, с одной стороны, для нее характерна привязанность ориентиров и ценностей к сфере здесь-бытия, отсутствие устремленности выйти за его пределы в созданный более совершенный, благоустроенный материальный мир или в умопостигаемый высший духовный мир, жизнедеятельность людей осуществляется в заданном преимущественно природной средой чувственно-материальном пространстве. С другой стороны, отрывочные сведения о быте славян показывают аморфность, неопределенность, неупорядоченность социальной структуры, религиозной жизни, всего образа жизни. Это означает, что в родоплеменных сообществах полян, древлян, кривичей и др. были слабо развиты социальные механизмы стабилизации, упорядочивания общественного организма, практически отсутствовала самоконструирующая деятельность.

Это была цельная культура силы, ловкости, удалства, непосредственных чувств и страстей, душевной широты. В радости и в страдании эта культура не была отягощена рефлексией, не замыкала свой взор на самое себя. Занятие земледелием, тенденции к оседлому образу жизни создавали предпосылки для формирования «рефлексивного» типа культуры снизу (развитие материального производства, рост разделения труда и социальной дифференциации и др.). Однако эти процессы были нарушены, заторможены внешними и внутренними дестабилизирующими факторами. Поэтому характер языческой культуры восточных славян оказался двойственным: с одной стороны, обращенным, полностью погруженным в чувственно-материальное наличное бытие, а с другой – славянская культура, словно подкошенная, лишалась корневой опоры в этом же чувственно-материальном мире. Вероятно, разрешение этого конфликта выразилось в усилении ориентации на настоящее, непосредственное переживание и устремление на ближайшие заботы и цели.

Вывод. Завершая рассмотрение языческой культуры восточных славян, выделим два важных момента. Во-первых, в этой культуре не получил развитие процесс индивидуализации славян, приводящий к обособлению индивида. Во-вторых, в тематическом пространстве языческой культуры, вероятно, не было темы общеславянского единства. Представляется, что кругозор восточного славянина заканчивался на границе рода и племени.

Литература:

1. Гельмгольд. Славянская хроника. – М., 1963.
2. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. – М., 1989.
3. Прокопий Кесарийский. Война с готами. – М., 1996.
4. Феофилакт Симокатта. История. – М., 1957.
5. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского, С.Д. Сказкина. Т. 1. Раннее Средневековье. – М., 1961.